

ПЕРФОРМАТИВНОСТЬ ГЛАГОЛОВ РЕЧЕВОГО ДЕЙСТВИЯ В РУССКИХ ЗАГОВОРАХ

© Екатерина Куликовская

SPEECH-ACT VERB PERFORMATIVITY IN RUSSIAN SPELLS

Ekaterina Kulikovskaia

Performative utterances have been repeatedly studied from different points of view in linguistics (not to mention sociological, philosophical and other aspects). The main vector of modern performative studies is the description of their functions in various types of speech acts. This paper identifies semantic features of canonical performative verbs in Russian spells. For us, the performative verb is the core of the performative utterance, however, a clear distinction is made between the explicit performative (the verb of the speech act in the form of the first person singular of the present tense of the active indicative) and other ways of implementing performativity. We have analyzed explicit performatives with the meaning of speech act, described their semantic structure, presuppositions and functions in spell-incantation texts. We have built a performative classification, based on the textual material, and found that in spells, speech-act performative verbs are divided into four groups (according to their semantic features), naming different speech acts and having different illocutionary forces. When analyzing the semantic-presuppositional structure of speech-act performative verbs, we made observations concerning the specifics of spell-incantation performatives in comparison with the same performatives in ordinary speech.

Keywords: performative utterance, speech acts, Russian spells, performative verb, speech-act verbs, illocutionary force.

Перформативное высказывание, взятое в лингвистическом аспекте, неоднократно подвергалось изучению с разных точек зрения. Основным вектором современного исследования перформативов является описание их функционирования в различных типах речевых актов. В данной работе была предпринята попытка выявить семантические особенности канонических перформативных глаголов в русских заговорах. Перформативный глагол понимается нами как ядро перформативного высказывания, однако проводится четкая граница между эксплицитным перформативом (глаголом речевого действия в форме первого лица единственного числа настоящего времени действительного залога изъявительного наклонения) и иными способами реализации перформативности. Нами были проанализированы эксплицитные перформативы со значением речевого действия, описана их семантическая структура, presuppositions и функции в заговорных текстах. Опираясь на текстовый материал, мы построили классификацию перформативов и выявили, что перформативные глаголы речевого действия (ПРД) в заговорах подразделяются на четыре группы (по семантическому признаку), называющие разные речевые акты и обладающие разной иллокутивной силой. При анализе семантико-presuppositional структуры ПРД были сделаны наблюдения, касающиеся специфики заговорных перформативов по сравнению с перформативами в обыденной речи.

Ключевые слова: перформативное высказывание, речевые акты, русские заговоры, перформативный глагол, глагол речевого действия, иллокутивная сила.

Общие замечания

Первым перформативом, выделенным Дж. Остином [Остин, с. 27], было формализованное, эксплицитное перформативное высказывание, в котором проявляется лексическая (или «чистая») перформативность. Универсальной характеристикой такого перформатива было соответствие «грамматическому критерию», стандартной перформативной формуле, к которой возможно при-

ведение других перформативных высказываний, содержащей глагол в первом лице единственного числа настоящего времени действительного залога изъявительного наклонения. Такой перформатив в отечественной литературе получил наименование «канонический» и противопоставлялся «квазиперформативам» (под которыми подразумевались прежде всего те же лексемы, но с другими грамматическими характеристиками) [Апре-

сян], [Кустова, Падучева]. 15 групп русских перформативных глаголов, выделенных Апресяном, содержат семантический компонент речевой деятельности и оформляют речевые акты.

Перформативность русских ритуальных текстов активно изучается в последние пятнадцать лет. Тексты заговоров предоставляют богатый материал (большая часть которого пока не проанализирована), позволяющий выявить и описать русские перформативные единицы и их место в системе языка. В свою очередь, применение теории перформативности к текстам заговоров позволяет строить модели разнообразных актов ритуальной коммуникации, методологически последовательно описывать специфику заговоров и выстраивать их классификацию на лингвистических основаниях. При анализе перформативных единиц, встречающихся в заговорах, канонические перформативы попадают в фокус исследовательского внимания в первую очередь. В работах, посвященных перформативности сакральных текстов, такие перформативы противопоставляют ритуальным и ритуализованным (см., например, «классические» перформативы у Романовой Е. Г. [Романова]). Однако остаются непроясненными вопросы: 1) какие именно семантические особенности приобретает эксплицитный, канонический, традиционный перформатив в заговоре; 2) какое место занимают канонические перформативы в системе заговорных перформативных глаголов. Этим обусловлена актуальность данной работы.

Мы исходим из предпосылки, согласно которой каждое слово заговорного текста участвует в перформативном акте сакральной коммуникации [Романов, Романова], однако ядром перформативного высказывания является глагол, который может быть квази- или каноническим перформативом. Следовательно, все глаголы речевого действия, как и другие глаголы в заговорах, приобретают определенную перформативную семантическую окраску, даже если такой окраски в обыденной речи у данных глаголов нет или их перформативность представляет собой дискуссионный вопрос (например, в случае с глаголом *говорю*). Встречаются в заговорах и глаголы с компонентом речевого действия, ранее не описывавшиеся в литературе как перформативные. Особенности этих глаголов нуждаются в характеристике. В рамках данной статьи мы сосредоточим свое внимание только на тех заговорных перформативах, которые представляют собой глаголы в 1-м л. ед. ч, наст. вр., действ. з., изъяв. накл. и обладают значением речевого действия.

Объект нашего исследования – перформативы речевого действия (далее – ПРД) в русских

заговорах, предмет исследования – семантика и функционирование ПРД в заговорных текстах. Материалом послужили сборники Майкова Л. Н. [Майков] и Виноградова Г. С. [Виноградов]. Объем выборки – 309 единиц. В качестве методологической основы мы используем аппарат теории речевых актов, согласно которой в центре внимания при изучении высказывания находятся «намерение и конвенция», а также терминологическую систему лингвистической семантики.

Наша гипотеза состоит в том, что любой глагол речевого действия в заговоре является перформативом, однако семантика таких глаголов, с одной стороны, отличается от семантики ПРД в обыденной коммуникации, с другой – эти глаголы обладают определенной спецификой по сравнению с заговорными перформативами иной семантики. Цель настоящей работы – выяснить, какие семантические особенности имеют заговорные ПРД. Данная цель обусловила следующие задачи:

- проанализировать семантико-пресуппозиционную структуру ПРД в заговорах;
- сопоставить ПРД в заговорах с теми же ПРД в обыденной речи;
- построить классификацию ПРД в заговорах.

Нашим основным лингвистическим методом стал метод толкования значения при помощи метаязыка семантических примитивов [Вежицка].

Перформативы речевого действия в русских заговорах

Вопрос о соотношении глаголов речевого действия и ПРД неоднократно был предметом дискуссий. В систему глаголов речевого действия входят глаголы, которые не являются или вообще не могут быть перформативами (см., например, *хвастаться, грубить, клянчить* [Кобозева, с. 61]). Однако при этом любой ПРД должен содержать компонент «говорить, сказать». Иногда это положение расширяется до утверждения, что любое (даже констативное) высказывание имплицитно содержит данный компонент: согласно перформативной гипотезе [Арутюнова, с. 372], глубинная структура любого предложения имеет вид «Я говорю, что Р». Это особенно верно применительно к заговорам. Заговорные ПРД, проанализированные нами в рамках данного исследования, можно представить в виде следующего списка: *молю, умоляю, заклинаю, призываю, выкликаю, говорю, глаголю, жалуясь, молюсь, корюсь (корюся), уговариваю, отговариваю, приговариваю, заговариваю, отгова-*

риваюсь, заговариваюсь (заговариваюся), отлучаю, отрекаюсь, предаюсь, кланяюсь (поклоняюсь).

Несмотря на то, что каждый из этих глаголов имеет семантику речевого действия, ряд глаголов обладает ею в «большой степени». Например, такие глаголы, как *отлучаю*, *клянусь*, не указаны в семантическом словаре [Русский семантический словарь] в числе глаголов с семантикой речи. Несомненно, что акты отлучения и клятвы совершаются посредством речи; но эта семантика в них не выносится на первый план (см., например, классификацию Е. Красиной, где перформатив *клянусь* классифицируется в числе глаголов, содержащих в семантической структуре обязательный компонент «давать», но не «говорить»: *клянусь* = *даю клятву* [Красина, с. 120–131]).

Подобное противопоставление «более» или «менее» речевоздействующих перформативов соответствует противопоставлению «настоящих» и «ослабленных» перформативов: ослабленные представляют собой автокомментарии говорящего, в то время как настоящие содержат в себе то «социально значимое действие», которое и делает перформатив перформативом [Михеев, с. 258]. Иллокутивная сила таких глаголов действительно намного больше, что иногда становится основанием для разграничения иллокутивных (речевых) и перлокутивных (реально меняющих что-то в мире) глаголов [Кодзасов, с. 428].

Итак, семантика всех ПРД в заговорах связана с речевой деятельностью, при этом все они отчетливо разбиваются на две группы: собственно речевое действие и социальная перформация. Этим заговорные перформативы ничем не отличаются от «обычных». Однако при такой классификации в одну и ту же группу попадают как хорошо изученные на материале обыденной речи перформативы (*прошу*), так и типичные только для заговоров (*заговариваю*). Статус слова *говорю*, отнесенного в соответствии с нашими критериями выборки к разряду ПРД, остается непоясненным. Какова перформативная специфика *говорю* в заговорных текстах? Есть ли различие между употреблением распространенных канонических перформативов в заговорах и в других речевых актах, и если да, то в чем заключается это различие? Какова семантика таких типично магических перформативов, как *заговариваю*? Для того чтобы найти ответы на эти вопросы, недостаточно наложить на заговорные перформативы существующие классификации. Для этого необходимо рассмотреть их семантическую структуру.

Семантическая структура перформативных глаголов речевого действия в русских заговорах

Семантическую структуру наиболее распространенного в заговорах канонического перформатива *прошу* можно описать следующим образом:

ПРОШУ (+inf/NP)

Я хочу, чтобы некто X сделал нечто Y.

Я думаю, что некто X может сделать нечто Y.

Я думаю, что X может не делать нечто Y.

Я говорю X-у: «Я прошу (+inf/NP)».

Я говорю «Я прошу (+inf/NP)», потому что думаю, что говоря / посредством произнесения «Я прошу (+inf/NP)», я сделаю так, что X сделает Y.

Данная семантико-пресуппозиционная структура подходит для всех (не только заговорных) актов просьбы. В некоторых определениях перформативных глаголов в дефиницию включается сема «используя язык», чему в нашей дефиниции соответствует формулировка с *говоря* (или *посредством произнесения* [Hlebec, с. 30]. Выделение данного компонента отражает не речевую семантику слова, а подчеркивает перформативный характер глагола: действие совершается при помощи языка. Мы склонны считать, что данный компонент содержится в любом заговорном перформативе. При этом директивный акт просьбы необязательно содержит эксплицитный перформатив *прошу* с данным компонентом в семантической структуре: *прошу* указывает на тип иллокутивного акта, «помогает» адресату соотносить высказывание с определенным типом актов. В связи с этим представляет интерес разграничение просьб и приказов: как отмечает Е. Г. Романова, обращение к Богородице в заговорах — акт просьбы, в то же время обращение к старой бабе — приказ [Романова, с. 61]. Обратим внимание на то, что в заговорах *прошу* содержит информацию не только о способности X выбирать, делать или не делать Y (ср. в структуре приказа: «Я думаю, что X не может не делать Y»), но также и о статусно-ролевом положении говорящего и адресата в коммуникации. В обычном акте *прошу* обязательно означает более низкий статус говорящего по отношению к адресату, но в заговорах это всегда так.

Вместе с тем очевиден типизированный, формульный характер подобного перформатива в заговоре, его положение в зачине или закрепе. За ним следует инфинитив, содержащий информацию о цели произнесения высказывания. Такой перформатив — перформатив-контейнер, сам по себе не передающий адресату намерения. Мы уже упоминали об ослабленности иллокутивной

силы подобных перформативов. В заговорах ослабленность иллюкутивной силы перформатива *прошу* накладывается на стандартизованность формулы, а ответственность за перлокутивный эффект перекладывается на весь текст целиком: не столько на реальные действия, которые совершит реальный адресат, сколько на факт произнесения текста в соответствии с канонем. Заговор представляет собой акт псевдопросьбы (ср. с молитвой), с верой как в помощь адресата, так и в силу собственно слова. Это подчёркивает Н. В. Крушевский, отмечая, что в заговорах нередко вовсе не оказывается божества, к которому обращается заговаривающий, и различая в явлении заговора две стороны: «1) веру в возможность навязать свою волю божеству, человеку или известным предметам и обстоятельствам и 2) веру в слово человеческое, как самое мощное средство навязать кому-нибудь или чему-нибудь свою волю» [Крушевский, с. 40]. Даже форма *прошу* указывает скорее на осознание высокого статуса адресата по отношению к говорящему, принадлежность адресата к благим, высшим силам. Поэтому семантическую структуру перформатива *прошу* в заговоре мы представим следующим образом:

ПРОШУ (+inf/NP)

Я хочу, чтобы нечто Y случилось.

Я думаю, что некто X может сделать Y.

Я думаю, что некто X может не делать нечто Y.

Я говорю: «Я прошу (+inf/NP)».

Я думаю, что некто X – тот, кому нужно говорить «Я прошу (+inf/NP)».

Я думаю, что некто X слышит, что я говорю «Я прошу (+inf/NP)».

Я говорю «Я прошу (+inf/NP)», потому что думаю, что, говоря «Я прошу (+inf/NP)», я сделаю так, чтобы нечто Y случилось.

Я говорю «Я прошу (+inf/NP)», потому что думаю, что я должен говорить «Я прошу (+inf/NP)», чтобы нечто Y случилось.

Такая структура подчеркивает одновременно конвенциональный характер заговора и веру говорящего в магическую силу слова, а также статус адресата: все то, что относится к пресуппозициям заговорного перформатива. Вместе с тем она содержит и специфику просьбы, отличающую просьбу от других речевых актов. Немаловажно отметить, что *прошу* в заговорах никогда не имеет реального адресата, участвующего в коммуникации наравне с говорящим, – это всегда мифологически-религиозный образ, сила природы и т. д.:

Прошу, Матушка Запрестольна Богородица, тебя – помогчи отъ вѣтренаго перелому, отъ глазу, отъ уроку, отъ испугу, отъ всѣхъ думовъ крѣпкихъ [Виноградов, с. 396].

Теперь нам необходимо выявить специфику глагола *прошу* по отношению к другим перформативам и квазиперформативам в заговорах. Эта специфика объединяет его с некоторыми другими глаголами из заговоров (*молю, умоляю*). Данную группу мы предлагаем назвать «заговорные перформативные директивы» (ЗПД). Они выполняют функцию обращения, адресации. Именно в конструкциях с глаголом *прошу* зачастую содержится информация о том, именем кого совершается акт заговора.

Сами по себе ЗПД не несут в себе интенциональности, а также перлокутивного эффекта, как другие перформативы в заговорах. Правильнее будет сказать, что ЗПД являются ядром стандартной формулы, выступающей в качестве конверта, в который запечатывается почтовое отправление. Таким образом, ЗПД противопоставлен другим заговорным перформативам не столько по признаку семантики речевой деятельности, сколько по своему особому положению в композиционной структуре заговора. В данной структуре ЗПД называет конкретный иллюкутивный акт (акт просьбы), но более важно то, что он адресует эту просьбу некоторой высшей силе, передавая ей определенное сообщение, цель которого раскрывается далее. Заговоры, содержащие ЗПД, противопоставлены не содержащим ЗПД по признаку адресованности – в первых говорящий вершит действия силой слова, но при этом именем какого-либо могущественного, сверхъестественного помощника, в то время как во вторых говорящий всецело полагается на собственные силы.

Структура *молю* идентична структуре *прошу*, но содержит более интенсивную эмоциональную окраску, что увеличивает иллюкутивную силу. Мольба представляет собой страстную просьбу. Еще выше на этой шкале находится лексема *умоляю*. Нередко и *прошу*, и *молю*, и *умоляю* градиционно дополняют друг друга в одном и том же тексте, создавая напряжение и возрастание иллюкутивной силы в ходе произнесения заговора.

Особняком среди этих актов просьбы стоит глагол *молюсь*, привносящий в заговор элемент церковного, молитвенного дискурса. Употребление этого глагола, по сути, выражает ту же просьбу, что и *молю*:

Молюся тебѣ, святыи пророче Божій Ілія, пошли тридцать ангеловъ въ златокванномъ платьѣ, съ луки и стрѣлы, да отбивають и отстрѣливають отъ (имя

рекь) уроки и призоры, и притки, щипоты и ломоты, и вѣтроносное язво, туда, куда крылатая птица отлетаеть, на черныя грязи, на топучія болота, и встрѣчно и попереочно, стамово и ломово — на молоду, на ветху и на перекроѣ мѣсяцѣ [Майков, с. 83].

Слово *заклинаю* в ряду ЗПД имеет неоднозначный статус. Оно может быть как глаголом-контейнером, содержащим в себе настойчивую просьбу / требование (как в обыденной речи), так и самостоятельным речевым действием, назначение которого – магически подчинить себе кого-либо / что-либо. Ср.:

(1) Заклинаю вась образомъ Божиємъ и святымъ апостоломъ Сизиніємъ, архангеломъ Михаиломъ и четырьмя евангелисты Лукою, Маркомъ, Иоанномъ, Матеемъ; бѣжати вамъ отъ образа Божія [Майков, с. 47].

(2) Заклинаю вы, трясавицы, иже семь сестръ дневныя и три дневныя, и они вси нудя раба Божія (имя рекъ) крестьянска, чтобы естя отъ него отошли вси отселѣне имѣсте власти ни мучити, престали бы естя, заклинаю же вась Богомъ живымъ, Богомъ истиннымъ, Богомъ святымъ, чтобы естя отошли отъ сего раба Божія (имя рекъ) крестьянска во имя Отца и Сына и Святаго Духа, аминь [Там же].

(3) Заклинаю вась великимъ архангеломъ Михаиломъ и святымъ апостоломъ Сизиніємъ и четырьмя евангелисты Лукою, Маркомъ, Иоанномъ, Матвеемъ [Там же].

В первых двух примерах за *заклинаю* следует конкретное требование: здесь этот глагол представляет собой ЗПД, но со значением не просьбы, а приказа (приказа уйти). Структура приказа идентична структуре просьбы, за исключением невозможности для адресата в случае приказа не делать того, чего хочет говорящий (X не может не делать Y). В третьем примере *заклинаю* – магический акт и самостоятельное речевое действие, за которым следует немедленный перлокутивный эффект, поэтому *заклинаю* во втором значении ([Толковый словарь русского языка, с. 498]) мы отнесем к группе перформативов, которая будет рассмотрена далее.

Конструкции с глаголом *жалуюсь* также направлены на адресат и представляют собой ЗПД. Однако они уже не являются глаголами-контейнерами, нуждающимися в обязательном дополнении: жалоба – полноценный акт и без каких-либо уточнений. *Жалуюсь* содержит внутри себя побуждение адресата к действию – наказать обидчика, но это побуждение высказано не прямо, а имплицитно, поэтому иллокутивная сила

его по сравнению с перформативами просьбы увеличивается незначительно:

Мать ты моя, вечерняя звѣзда, жалуюсь я тебѣ на двѣнадцать дѣвиць, на Иродовыхъ дочерей [Майков, с. 52].

Говоря о специфике перформатива *жалуюсь* в заговорах, следует отметить, что в проанализированных нами примерах жалоба всегда была связана не столько с конкретным неприятным для говорящего событием, сколько с лицом, ставшим виновником события: если предмет жалобы составляет болезнь, то она персонифицируется. Жалоба без указания виновника для заговора нехарактерна. Структуру заговорного перформатива *жалуюсь* мы представили бы следующим образом:

ЖАЛУЮСЬ

Я думаю, что случилось нечто Y.

Я думаю, что нечто Y – плохо для меня.

Я думаю, что некто X знает, что Y – плохо для меня.

Я думаю, что Z сделал Y.

Я думаю, что Z плохой.

Я хочу, чтобы X сделал что-то плохое Z.

Я говорю X-у: «(Я) Жалуюсь».

Я думаю, что некто X слышит, что я говорю «(Я) Жалуюсь».

Я говорю «(Я) Жалуюсь», потому что думаю, что, говоря «(Я) Жалуюсь», я сделаю так, чтобы нечто X сделал что-то плохое Z

Я говорю «(Я) Жалуюсь», потому что думаю, что я должен говорить «(Я) Жалуюсь», чтобы X сделал что-то плохое Z.

Итак, среди ПРД выделилась группа ЗПД. Они не влекут за собой немедленного перлокутивного эффекта, их функция – передать сообщение адресату. Некоторые ЗПД представляют собой просто глаголы-контейнеры для намерения говорящего побудить адресата к действию, другие имплицитно содержат это побуждение уже в собственной семантике. Среди конструкций с ЗПД выделяются речевые акты просьбы, приказа и жалобы.

Следующую группу мы обозначили бы как ЗПВ (заговорные перформативные вокативы). Они представлены глаголами *призываю* и *выкликаю*. Эти глаголы иллокутивно уже намного сильнее ЗПД: они не нуждаются в каких-либо дополнительных элементах для того, чтобы выразить иллокутивную цель, но сами содержат в себе информацию об этой цели. Не следует путать ЗПВ *призываю* с *призываю* в значении «побуждаю к чему-либо». ЗПВ *призываю* = *прошу явиться*. *Призываю* в заговоре (как и *выкликаю*)

выполняет контактоустанавливающую функцию. Речевой акт, в котором используются ЗПВ, мы назовем актом эвокации (инвокации):

Господа Бога и Мать Пресвятую Богородицу на помощь призываю... [Майков, с. 30].

Если рассматривать заговорные ПРД по возрастанию иллюкутивной силы, то следующими в очереди окажутся ранее отделенные нами перформативы социальной перформации. Это сильные, а не слабые перформативы: они отличаются немедленным перлокутивным эффектом. Таковы перформативы *отлучаю, отрекаюсь, предаюсь, кланяюсь, покланяюсь*.

Они стоят особняком, потому что очевидна их принадлежность к другим типам социальных взаимодействий, нежели магический обряд. Так, акт отлучения принадлежит церковному дискурсу; *отрекаюсь* – торжественный, официальный акт отказа от чего-либо / кого-либо, *предаюсь* в значении «предаюсь кому-либо» имеет книжную окраску. Все перечисленные перформативы входят в состав явным образом заимствованных из церковных текстов конструкций. См., например:

Отлучаю тя, приставниче, именовъ страшныхъ и многоочитыхъ и шестокрылыхъ херувимовъ и серафимовъ, двѣма крылома лице свое покрывающихъ [Майков, с. 108].

Сюда же относятся бехабитивы *кланяюсь* и *корюсь*.

Такие перформативы не приобретают какой-либо специфической заговорной окраски: употребляясь в заговорах, они скорее являются частью другого дискурса, входящего в состав заговора, подчеркивая известный факт заговорной полидискурсности.

Наибольший интерес среди заговорных ПРД вызывает глагол *говорю* (*глаголю*). Неоднократно отмечалось, что он занимает особое положение в числе других перформативов. Согласно перформативной гипотезе Росса, любое высказывание в глубинной структуре содержит перформатив *говорю* – *говорю, что*. В русском семантическом словаре глагол *говорю* имеет 2 значения: «собственно воспроизведение голосом звуков речи» и «выражение говорящим мысли» [Русский семантический словарь, т. 4, с. 484]. *Говорю, что* – подпадает под вторую категорию.

Рассмотрим пример из заговора:

Говорю я азъ, рабъ Божій (имя рекъ), тридесять словъ, тридесять стиховъ и тридесять молитвъ [Майков, с. 9].

Здесь глагол *говорю*, имеющий при себе прямое дополнение, по значению сближается с глаголом *произношу*, соответственно, такой перформатив не то же самое, что перформатив в перформативной гипотезе или «общий» перформатив. Будучи употребленным в обыденной речи, такой глагол не всегда представлял бы собой перформатив, а скорее, собственно называл одномоментно (или неодномоментно) происходящее действие (ср.: «я говорю это, потому что не могу молчать»).

В данном примере немаловажной составляющей, образующей перформативность, является одномоментность *говорю* моменту речи. Однако *говорю* в обыденной речи вполне может быть ответом на вопрос «Что ты сейчас делаешь?». В заговоре же *говорю* будет ответом на вопрос «Что ты сейчас делаешь?» применительно ко всему заговору. Как отмечает Ч. Р. Карр [Carr], перформативный глагол может быть одновременно и ответом на вопрос «Что ты сейчас делаешь?» и совершением этого действия. Парадоксальность заговорного *говорю* заключается в том, что оно является ответом на вопрос «Что ты сейчас делаешь?» применительно ко всему акту заговаривания, в то же время и перформативом, содержащим в себе иллюкутивную силу и перлокутивный эффект. *Говорю* в заговоре = *совершаю действие при помощи слова*. Это подтверждается и большим количеством семантически близких *говорю* глаголов *заговариваю, уговариваю, приговариваю, отговариваю*. См., например:

(1) Уговариваю раба Божія (имя рекъ) отъ цынги и ломоты, зубныя щемоты. [Майков, с. 36].

(2) Во морскомъ озерѣ, во святомъ колодцѣ черпаю я воду, отговариваю, приговариваю отъ той отъ лютой отъ мѣдьяницы, отъ золотой головы [Майков, с. 73].

Можно сказать, что *говорю* (*заговариваю, отговариваю* и пр.) сохраняет и в заговоре свою природу «общего» перформатива, содержащего в себе наиболее обобщенные пресуппозиции и цель любого заговора. Проиллюстрируем это при помощи семантического анализа:

ГОВОРИЮ¹

Я хочу, чтобы случилось нечто X и не случилось нечто Y.

Нечто X может случиться в будущем.

¹ Рассмотрение различий в семантической сочетаемости между глаголами *говорю* и *заговариваю* выходит за рамки настоящей работы. Семантические объекты данных глаголов станут темой наших дальнейших исследований.

Нечто Y может случиться в будущем.

Я думаю, что нечто X – хорошо для меня или других людей.

Я думаю, что нечто Y – плохо для меня или других людей.

Я говорю: «Я говорю».

Я говорю «Я говорю», потому что думаю, что, говоря «Я говорю», я сделаю так, чтобы случилось нечто X и не случилось нечто Y.

Я говорю «Я говорю», потому что думаю, что я должен говорить «Я говорю», чтобы случилось нечто X и не случилось нечто Y.

Таким образом, лексема *говорю* в заговоре является типичным каноническим перформативом, называющим вид речевого акта – заговор, содержащим в себе наибольшую иллокутивную силу, объединяющим в себе все подвиды речевых актов в заговоре, кристаллизующим действие, совершаемое заговором, и являющимся ядром заговорного текста. Данные перформативы (вместе с перформативом *заклинаю* во втором значении) мы назовем собственно магическими перформативами (СМП), а речевой акт, который вводится ими, – актом заговора.

Выводы

Анализ семантической структуры заговорных ПРД показал, что данные перформативы можно классифицировать сразу по нескольким направлениям. В первую очередь, это семантика: с семантической точки зрения, заговорные ПРД разбиваются на заговорные перформативные директивы (ЗПД), заговорные перформативные вокативы (ЗПВ), вершинный, собственно магический перформатив (СМП) *говорю* (и его аналоги) и особая группа перформативов, соответствующих выделенным Е. Г. Романовой перформативам «социальной перформации» (ПСП). Данная классификация показывает различия между ПРД внутри заговоров и коррелирует с классификацией речевых актов (которая строится также с учетом особенностей заговора). ЗПД подразделяются на перформативы просьбы, приказа, жалобы. ЗПВ вводят особый магический речевой акт призыва сверхъестественных сил (эвокации / инвокации). Собственно магические перформативы совершают акт заговора. ПСП обозначают различные акты (отлучения, отречения, выражения вежливости и т. д.). Представим классификацию заговорных ПРД в таблице (см. Таблица №1).

Таблица №1.

Классификация перформативов речевого действия в русских заговорах

Классификация перформативов речевого действия в русских заговорах				
РА / ПРД	ЗПД	ЗПВ	ПСП	СМП
просьба	прошу			
	Молю / молюсь			
	умоляю			
приказ	заклинаю			
Эвокация / инвокация		призываю		
		выкликаю		
жалоба	жалуюсь			
другие (социальные) РА			отрекаюсь	
			отлучаю	
			кланяюсь / покланяюсь	
			предаюсь	
Заговор / заклинание				говорю
				глаголю
				уговариваю
				отговариваю (-сь)
				приговариваю (-сь, -ся)
				заговариваю (-сь, -ся)

Иллокутивная сила последовательно возрастает от ЗПД к СМП: ЗПД (глаголы-контейнеры) -> ЗПД (иллокутивные глаголы) -> ЗПВ (иллокутивные глаголы) -> ПСП и СМП (перлокутивные глаголы). Возрастание иллокутивной силы в системе заговорных ПРД можно представить в виде графика (см. Рис. №1).

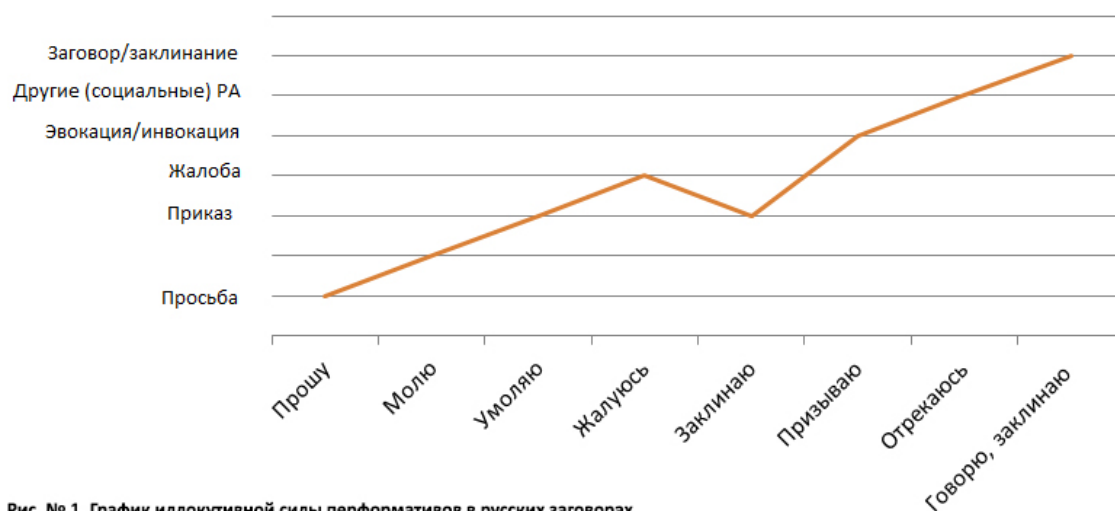

Рис. № 1. График иллокутивной силы перформативов в русских заговорах
 Pic. № 1. A chart of the illocutionary power of performatives in Russian charms

Мы видим, что как семантика отдельных слов, так и общая система классификации заговорных ПРД имеет достаточно отличий от классификаций канонических перформативов в обычной речи. В случае заговоров мы имеем дело как с употреблением слов в нетипичных значениях, так и с выделением новых речевых актов, с перформативным употреблением неперформативных глаголов и с другими особенностями, требующими дальнейшего исследования.

Список литературы

Апресян Ю. Д. Перформативы в грамматике и словаре // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 1986. С. 208–223.

Арутюнова Н. Д. Перформатив // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: СЭ, 1990. С. 372–373

Вежбицка А. Речевые акты (пер. с англ. С. А. Крылова) // Новое в зарубежной лингвистике. Выпуск 16. Лингвистическая прагматика. 1985. С. 251–276.

Виноградов Г. С. Самоврачевание и скотолечение у русского старожилото населения Сибири // Живая старина: Периодическое изд. отд-ния Этнографии Имп. Рус. Геогр. О-ва. Пг., 1915. Вып. IV. С. 325–432.

Кобозева И. М. «Стремление к удобству» как принцип объяснения синхронных явлений на уровне предложения (на примере перформативности) // Филология и культура. Philology and Culture. 2015. №2 (40). С. 59–65.

Кодзасов С. В. Виды перформативности и их показатели // Логический анализ языка (сб. научн. тр., сост. Н. Д. Арутюнова). М.: Индрик, 2003. С. 424–430.

Крушевский Н. В. Заговоры как вид русской народной поэзии // Крушевский Н. В. Избранные статьи и работы по языкознанию / РАН. Отд-ние лит. и яз. Комис. по истории филол. наук (сост. Ф. М. Березин). М.: Наследие, 1998. С. 25–47.

Красина Е. А. Семантика и прагматика русских перформативных высказываний: дис..... д-ра филол. наук: Москва, 1999. 310 с.

Кустова Г. И., Падучева Е. В. Перформативные глаголы в неперформативных употреблениях // Логический анализ языка (сб. научн. тр., сост. Н. Д. Арутюнова). М.: Индрик, 2003. С. 561–571.

Майков Л. Н. Великоорусские заклинания. СПб: Типография Майкова, 1869. 165 с.

Михеев М. Ю. Перформативное и метатекстовое высказывание, или Чем можно испортить перформатив? // Логический анализ языка (сб. научн. тр., сост. Н. Д. Арутюнова). М.: Индрик, 2003. С. 251–260.

Остин Дж. Слово как действие (пер. с англ. А. А. Медниковой) // Новое в зарубежной лингвистике. Выпуск 17. Теория речевых актов. 1986. С.22–131.

Романов А. А., Романова Л. А. Притяжение перформатива. Очерки по теории перформативности от Дж. Л. Остина до наших дней. М.: ИЯ РАН, 2009. 156 с.

Романова Е. Г. Перформативы в ритуальных актах суггестивной коммуникации. М.: ИЯ РАН, 2001. 144 с.

Русский семантический словарь. / под ред. Н. Ю. Шведовой. Т. 4. М.: Азбуковник, 1998. 925 с.

Толковый словарь русского языка / Под ред. С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой. М.: ООО «А ТЕМП», 2006. 944 с.

Carr, Ch. R. Illocutionary acts. Diss. for the degree of Phd. The University of Arizona, 1975. 255 p.

Hlebec, B. Lexical definition of some performative verbs // Studia Anglica Posnaniensia, 2015, no. 50/1, pp. 27–44.

References

Apresian, Iu. D. (1986). *Performativny v grammatike i slovare* [Performatives in Grammar and Lexis]. *Izvestiia Rossiiskoi akademii nauk. Seriiia literatury i iazyka*, pp. 208–223. (In Russian)

Arutiunova, N. D. (1990). *Performativ* [Performative]. *Lingvisticheskii entsiklopedicheskii slovar'*. Pp. 372–373. Moscow, *Sovetskaia entsiklopedia*. (In Russian)

Austin, J. (1986). *Slovo kak deistvie* [How to Do Things with the Words]. (Per. s angl. A. A. Mednikovoi).

Novoe v zarubezhnoi lingvistike. Vypusk 17. Teoriia rechevykh aktov, pp. 22–131. (In Russian)

Carr, Ch. R. (1975). *Illocutionary Acts*. Diss. for the degree of Ph.D. The University of Arizona. 255 p. (In English)

Hlebec, B. (2015). *Lexical Definition of Some Performative Verbs*. *Studia Anglica Posnaniensia*, No. 50/1, pp. 27–44. (In English)

Kodzasov, S. V. (2003). *Vidy performativnosti i ikh pokazateli* [Types of Performativity and Their Indicators]. *Logicheskii analiz iazyka* (sb. nauchn. tr., sost. N. D. Arutiunova). Moscow, pp. 424–430. (In Russian)

Krasina E. A. (1999). *Semantika i pragmatika russkikh performativnykh vyskazyvanii: diss. na soisk. step. dokt. filolog. nauk* [Semantics and Pragmatics of Russian Performative Utterances: Doctoral Thesis]. Moscow, 310 p. (In Russian)

Kustova, G. I., Paducheva, E. V. (2003). *Performativnye glagoly v neperformativnykh upotrebleniakh* [Performative Verbs in Non-Performative Uses]. *Logicheskii analiz iazyka* (sb. nauchn. tr., sost. N. D. Arutiunova). Moscow, Indrik, pp. 561–571. (In Russian)

Maikov, L. N. (1869). *Velikorusskie zaklinaniia* [Great Russian Spells]. 165 p. St. Petersburg, Tipografiia Maikova. (In Russian)

Mikheev, M. Iu. (2003). *Performativnoe i metatekstovoe vyskazyvanie, ili Chem mozno isportit' performativ?* [Performative and Metatext Utterances or How to Spoil Performative]. *Logicheskii analiz iazyka*

(sb. nauchn. tr., sost. N. D. Arutiunova). Moscow, Indrik, pp. 251–260. (In Russian)

Romanov, A. A., Romanova, L. A. (2009). *Pritiazhenie performativa. Ocherki po teorii performativnosti ot Dzh. L. Ostina do nashikh dnei* [Attraction of Performative. Essays on the Theory of Performativity from J. L. Austin to the Present Day]. 156 p. Moscow, Institut iazyka RAN. (In Russian)

Romanova, E. G. (2001). *Performativy v ritual'nykh aktakh suggestivnoi kommunikatsii* [Performatives in Ritual Acts of Suggestive Communication]. 144 p. Moscow, Institut iazyka RAN. (In Russian)

Russkii semanticheskii slovar' (1998) [Russian Semantic Dictionary]. Pod red. N. Iu. Shvedovoi. T. 4. 925 p. Moscow, Azbukovnik. (In Russian)

Tolkovyi slovar' russkogo iazyka (2006) [Explanatory Dictionary of the Russian Language]. Pod red. S. I. Ozhegova i N. Iu. Shvedovoi. 944 p. Moscow, OOO "A TEMP". (In Russian)

Vinogradov, G. S. (1915). *Samovrachevanie i skotolechenie u russkogo starozhilogo naseleniya Sibiri* [Self-Healing and Cattle Treatment of the old Russian Population of Siberia]. *Zhivaia starina: Periodicheskoe izdanie otdeleniia Etnografii Imperatorskogo Russkogo Geograficheskogo Obshchestva*, No. 4. Petrograd, pp. 325–432. (In Russian)

Wierzbicka, A. (1985). *Rechevye akty* [Speech Acts]. (Per. s angl. S. A. Krylova) *Novoe v zarubezhnoi lingvistike. Vypusk 16. Lingvisticheskaiia pragmatika*, pp. 251–276. (In Russian)

The article was submitted on 29.08.2019
Поступила в редакцию 29.08.2019

Куликовская Екатерина Николаевна,
аспирант,
Ленинградский государственный
университет имени А. С. Пушкина,
196605, Россия, Санкт-Петербург, город Пушкин,
Петербургское шоссе, 10.
Kulikovskaya.eka@yandex.ru

Kulikovskaia Ekaterina Nikolaevna,
graduate student,
Leningrad State University
named after A. S. Pushkin,
10 St. Petersburg Highway,
Pushkin, St. Petersburg, 196605, Russian Federation.
Kulikovskaya.eka@yandex.ru